

Николай Петрович Вагнер

Без света

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Николай Вагнер
Без света

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Без света / Н. П. Вагнер — «Public Domain», 1872 — (Сказки Кота-Мурлыки)

ISBN 978-5-457-12404-2

«Вы, вероятно, встречали их – этих бедных, маленьких бездомников, шляющихся из дома в дом, в дождь и холод по улицам нашей цивилизованной столицы. Вас, вероятно, поражало страдальческое, кроткое личико слепой девочки, которую водил маленький брат ее, а впереди них всегда бежала кудлатая хромая собачка...»

ISBN 978-5-457-12404-2

© Вагнер Н. П., 1872
© Public Domain, 1872

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Петрович Вагнер

Без света

I

Вы, вероятно, встречали их – этих бедных, маленьких бездомников, шляющихся из дома в дом, в дождь и холод по улицам нашей цивилизованной столицы. Вас, вероятно, поражало страдальческое, кроткое личико слепой девочки, которую водил маленький брат ее, а впереди них всегда бежала кудлатая хромая собачка. Когда маленький братишка запевал под вашими окнами:

– Подайте л-л-ю-ди Бо-о-жии, по-о-дайте Хлиста лади, убогоньким на хлебец! – то в то же самое время собачка садилась на землю и начинала жалобно выть и визжать.

– Какая наглая эксплуатация! – говорили вы, отходя от окна, которое холодный ветер, словно дробью, обсыпал дождем.

И вам представлялась правильно организованная система обирания ваших карманов. Вы винили полицию за то, что она пускает по городу этих «детей разврата и лени». Вы вспоминали те отвратительные, грязные вертепы, в которых живут эти бедные дети. Ваша осенняя хандра еще более увеличивалась от раздражения. Вас сердил этот надоедливый тоненький детский голосок, доносившийся со двора, и звяканье медных копеечек, которые кидали бедным детям сытые, праздные и сострадающие люди.

II

Это было давно.

В глухом лесном углу, в небольшой деревеньке, в новой крепкой избе родились маленькие бездомники. Девочку звали Машуткой, мальчика – Васеной. Когда девочке минуло три года, а Васена еще сосал грудь матери, мать их, Акулина Любариха, проводила своего мужа в солдаты, голосила и причитала над ним. Наплакала глаза, которые и без того были больные, и осталась в своем родимом опустелом гнездышке век вековать бобылем одиноким, «царской вдовой», солдатской сиротой.

Жили они с мужем всегда в миру и ладу; оба тихие да молчаливые, ясные.

И детки уродились такие же. Васена еще по временам расшалится, развозится, но его дикая веселость тотчас же разобьется о тихую, кроткую улыбку сестренки. Да при том на обоих тяготела та грусть безысходная, которая, как тихая струйка, сочилась в целом доме из постоянно тоскующего сердца матери.

В долгие зимние вечера мать прядет мочку кудели. Горит и дымится, потрескивая, свец-лучина. Тихо шурчит и жужжит веретено; тихо мурлычет седой Васюк на печи, тихо спит Кудлашка, свернувшись клубком на полу, и только по временам встрепенется, когда долетит до нее далекий лай деревенских собак, приподнимет голову, насторожит уши, поворчит, повизжит и снова уляжется.

– Мамонька, голубынька, – говорит Машутка. – Расскажи нам, как ты в голодный год нуду принимала.

– Э! детоньки, что горе вспоминать? Благо было, да прошло!

– Нет, мамонька, расскажи. Сделай милость! Вспомним горе, и жизнь слаще покажется...

Любариха посмотрела на них с грустной улыбкой, поправила девочке белые волосики, что выбились из-под платка, и начала плавно, неторопливо.

III

У нас здесь хлеб плохо родится. Земля плохая – все больше камень да щебень, либо песок. Тот год Васене пошел третий годок – осень припоздала, теплая была да бесснежная. Все озими-то червячок подъял, а что весной из корня пошло, то летом жары спалили. Така была засуха, что старики сродясь не запомнят. Цело лето леса горели и мгла стояла.

Осень настала сырая, студеная, да мокрая; от стужи да мокрети, известное дело, пуще тоска на сердце ложится.

В сентябре снежок запорошил. Вышла я на крылечко, а снег так и сеет, ровно сквозь сито, а сердце-то у меня так и стынет.

– Господи! – думаю я, – чем-то я вас, деточек малых, прокормлю зимушку лютую, в бескормицу?

Одначе, правду сказать, что у меня припасено на всякий случай три мешка крупки. В амбарушке, над погребцом, на вышке лежали. Авось, думаю, не отошаем.

Тот же вечер дождь полил и весь снежок смыл. Грязь невылазная. Сиверко гудет, дождь так и льет, ни зги не видно. Только вдруг слышу, кто-то в оконце: тук, тук, тук!

– Господи, – думаю, – кому бы это? Перепугалась шибко.

– Кто, мол, тут? – Не отвечают.

Засветила фонарь, накинулась шубенкой, выходку. А под окном мужичонка-дедушка сидит, древний, надревний, совсем седой да весь мокрый.

– Откуда, – говорю, – странствуешь, божий человек?

А он бормочет, бормочет, жует, чавкает, машет руками, а ничего не разберешь.

Подумала я тогда: пустить его, аль не пустить в избу? Старче древний, еле дышит. Как бы, мол, беды не нажить. Пустишь его, а он в ночь-то помрет!

А он оперся на подожок-то, да как заплачет, таково жалобно, ровно ребеночек махонький, а слезы так и капают на бородку седенькую.

Ввела я его в избу, положила на печь, напоила мяткой да шипишным цветиком. Наутро старче совсем окреп.

Пожил старче денек-другой. Подумала я, поглядела. Вижу – тихонький да простенький, больше спит, да богу молится.

– Пушай, – думаю, – живет в избе, куда, мол, его погоню, старца древнего? Словно он ребеночек махонький. А тут стужа такая лютая настала. Куда, мол, его на мороз погоню? Авось не объест. Как-нибудь зиму проживем. И мне будет спокойнее вдвоем в избе жить. Все как будто я не одна.

– Голод у нас, – говорю ему. – Не знаю, чего есть будем.

А он вытащил котомочку, развязал. Полна котомочка лепешками.

– Вот, – говорит, – лепешечки. Господь не оставит. Будем сыты. Проживем.

И поселился он у меня до весны, зиму коротать.

IV

А зима все лютей да лютей становится. Каждый день такие морозы стоят, просто – страсть. Измаялись мы совсем. Стужа да голод – вконец изморили.

Стала и у меня крупка подбираться. Остался один мешочек.

– Ну! – говорю старику, – мучки мы деткам оставим, а сами будем голодно месиво есть.

Вот натолкем мы сушеных грибков, да с мякиной намешаем, да чуточку, самую малость, с наперстка два, подсыпим мучки, замесим и лепешечек напечем.

Ну, и ничего, питались мы этими лепешечками вплоть до масляной.

А признаться сказать, мы и масляну, кака-така, забыли. Кака уж масляна, когда ни у кого и мучки, почитай, нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.